

В ИТАЛИИ ЕСТЬ ВИТАЛЕ

(Серена Витале, Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина. Серия «Культурный слой». – М., Издательство «Родина», перевод Емельяновой Е. М., 2022 – 384 с.)

Покойный мой друг поэт Вадим Ковда в последние годы жизни был увлечён и очарован трудами итальянской пушкинистки Серены Витале. Вадим был человеком пассионарным и невольно передал мне это своё увлечение. В чём уникальность работы Серены Витале? Ей удалось получить архивы семьи Геккернов, содержащие переписку их предка с Дантесом. Прошло без малого 200 лет, но эта злосчастная история дуэли Пушкина на Чёрной речке продолжает обрастать новыми подробностями, в том числе благодаря усилиям Серены Витале. Книга Витале даёт нам возможность ещё раз порассуждать над судьбой поэта. Безусловно, его женитьба на Наталье Гончаровой была редкостным мезальянсом. Великий поэт, который словом мог очаровать любую женщину, женился на той, которая не была ему ровней. Но мы понимаем его выбор – он женился на внешней красоте, которой недоставало ему самому.

Подлинные письма Дантеса – это, конечно, сенсация. Но даже наличия таких писем недостаточно для всестороннего анализа ситуации. Серена Витале проделала огромную работу в архивах Москвы и Германии. Она собрала письма европейских посланников, которые писали о дуэли и смерти Пушкина – любой посланник отчитывался перед своим двором, и этой информации у российских исследователей творчества Пушкина могло не быть. За 36 часов, пока Пушкин лежал при смерти в своей квартире на Мойке, в его доме побывало до 50000 человек. Колоссальная цифра, которая показывает нам масштаб популярности поэта в России. Люди понимали, кого они могут потерять.

Серена Витале – не единственная иностранная пушкинистка, чьи работы имеют успех в России. Широко известна книга «Александр Пушкин» французского писателя Анри Труайя. Однако этот француз на поверку оказался... русским армянином Львом Тарасовым. А вот Серена Витале – имя подлинное. И оно ей очень идёт – сразу же, в духе Пушкина, слышатся рифмы: «В Италии есть Витале! С нами не только крестная, но и витальная сила!». Серена производит на меня впечатление автора, способного к серьёзному анализу. Пушкин в России – религия, и здесь писатель рискует быть подвергнутым остракизму за любое хорошее слово о Дантесе. Это, пожалуй, так же рискованно, как хвалить Иуду Искариота перед собранием верующих христиан. Найденные письма Дантеса исследователю, конечно же, помогают. Но одновременно они ещё больше запутывают дело. Например, Дантес пишет Геккерну, что Наталья Николаевна призналась ему в любви в ответ на его собственное признание. Но может быть, он просто хвастается? И подобных ситуаций, пусть и ретроспективных, возникает очень много.

Но выход у исследователя есть – проанализировать письма других современников этих событий. В эпоху Пушкина мобильных телефонов не было, и люди, если не видели друг друга тет-а-тет, писали друг другу письма. Это обстоятельство облегчает реконструкцию обстоятельств дуэли великого поэта и всего, что ей предшествовало – многие друзья и просто знакомые оставили нам свидетельства, что же происходило в это время в окружении Пушкина. Насыщенность событий вокруг великого поэта, отображённых эпистолярно, так высока, что создаётся впечатление, что всё это совершается здесь и сейчас. И в этом, безусловно, большая заслуга Серены Витале.

То, что Серена – иностранка, с одной стороны, ей помогает – она может проявить в исследованиях независимость от русской традиции. Ведь, чего греха таить, отечественные литературоведы очень страстны во всём, что касается Пушкина. С другой стороны, откровенно «продантесовские» выводы могут в России не понять. Мне кажется, Серене Витале удалось проплыть между Сциллой и Харибдой. Для нас любое маленькое открытие, касающееся Пушкина, на вес золота. Из книги Витале мы, например, узнаём, что император Николай велел одному из близких друзей поэта сжечь все его произведения, которые могли бы повредить его славному имени.

Отношения между Пушкиным и царём были сложными. Часто рассказывают об участии Николая Первого в посмертной судьбе поэта, о том, что он оплатил все долги поэта. Но Серена Витале приводит нам и противоположный пример, когда государь прямо встал на сторону Дантеса. Уже после дуэли, когда Геккерен показал ему письмо Пушкина, которое и привело к кровопролитию, Николай сказал, что, если бы подобное письмо пришло к нему, он бы тоже вызвал его автора на дуэль. Если только не знать, что письмо написал великий поэт. Пушкин такого снисхождения, к сожалению, не получил, поскольку, во-первых, иностранцы не сознавали масштаб его величия, во-вторых, они попросту не склонны были его прощать, невзирая на то, что дуэль грозила разрушить их карьеры в России, что в конечном итоге и произошло.

Последние годы жизни поэта были для Александра Пушкина тревожными. Он был вынужден брать всё новые кредиты, чтобы свести концы с концами. Журнал «Современник», на который поэт возлагал большие надежды, оказался не таким прибыльным. А после публикации «Философического письма» Чаадаева царь вообще хотел его закрыть. Звание камер-юнкера, пожалованное Пушкину государем, не обрадовало его, а, наоборот, очень сильно расстроило. Он подозревал, что царь приближает его ко двору, потому что хочет танцевать на придворных балах с его женой. Всё это, безусловно, отравляло жизнь поэта, взвинчивало его. В какой-то момент Пушкин фактически сам себя приговорил – несдержанностью. Но нельзя же позволять другому браконьерствовать в твоём саду! «Что себе позволяет этот чужестранец!» – возмущался поэт. В сущности, оба они в этой истории вышли «за флажки» – как Дантес, так и Пушкин.

Книга Серены Витале, вероятно, не имела бы такого успеха у читателей (она переиздается уже не в первый раз), если бы содержала исключительно фактологические достоинства. Но язык у итальянской писательницы тоже хорош. «Цензоры – царь лично, а также другие унылые стражи литературной непогрешимости – расставляли на его пути бесчисленные препятствия, задерживая и иногда запрещая публиковать то, что он написал. Он пробовал удачи в картах и проиграл, как это всегда случается с игроками, отягощёнными нуждой. Покой и счастье продолжали скользить сквозь пальцы подобно извивающимся змеям. Последней каплей стал камер-юнкерский шутовской мундир – невыносимое оскорбление в его возрасте, при его известности и беспредельной гордости». Как точно, ярко и бескомпромиссно описывает Серена ситуацию, в которой оказался Пушкин!

Хотя мы по привычке проклинаям Дантеса, Пушкин фактически погиб от себя самого, от своей необузданной ревности. Вместе с тем итальянская пушкинистка на основании найденных писем Дантеса доказывает, что француз действительно беспрестанно атаковал Наталью Николаевну своими ухаживаниями. Так что ревность нашего первого поэта была не беспочвенной. Дантес сам признаётся в письмах, что преследует Наталью Николаевну – якобы потому, что ничего не может с собой поделать. Серена Витале пишет о том, что это не был треугольник в обычном понимании. Это был многоугольник: «Ж. и Н. влюблены. Н. отвергает Ж. жертвуя им ради П. Ж. отвергает Н., жертвуя ею ради Г. П. и Г. оба мучаются ревностью к Н., но стремятся это скрыть». А ведь в действе участвуют ещё и старшие сёстры Натальи Николаевны – Екатерина тоже влюблена в Дантеса, а Александрина – в Пушкина. И это не было какой-то распущенностью – в 19-м веке это было в пределах правил, «комильфо». Хотя и чувство ревности в обществе тоже не порицалось.

Серена Витале приводит слова Гончаровой из письма Дантеса Геккерену: «Я люблю вас, как никогда не любила, но никогда не просите у меня более моего сердца, поскольку остальное мне не принадлежит, я могу быть счастлива, только честно выполняя свои обязанности, пожалейте меня и любите меня всегда как теперь, и моя любовь будет вам наградой». Я почему-то верю, что именно так и могла ответить Дантесу Наталья Гончарова. Серена Витале пишет, что Гончарова отвечает Дантесу почти так же, как Татьяна Ларина отвечала Онегину. Литература становится жизнью, жизнь подражает литературе, и всё это очень по-русски. Россия, как выразился Игорь Волгин – страна литературоцентричная. К сожалению, письма Дантеса охватывают сравнительно небольшой период времени, когда Геккерен отлучался из Петербурга. Затем он возвращался в Россию, и Дантес прекращал ему писать, поскольку мог всё поведать лично. По-русски Дантес практически не говорил, но в России 30-х годов 19-го века это не было проблемой, поскольку высшее общество свободно говорило по-французски.

Книга Серены не акцентируется всецело на материалах вокруг дуэли. Есть в книге вроде бы незаметные детали, нюансы, которые помогают нам лучше понимать происходящее. Так, Витале пишет, что родители сестёр Гончаровых много пили, а мать к тому же была очень деспотичной. Становится понятным, почему сёстры стремились, во что бы то ни стало, побыстрее выйти замуж. А позже супруги Пушкины не хотели жить под одной крышей с матерью Натальи Николаевны. Наиболее точный словесный портрет одежды младшей Гончаровой, по мнению Серены Витале, оставил художник Айвазовский. Я вначале, честно говоря, не поверил этому. Как современник Николая Второго Айвазовский мог знать Пушкина и его супругу? Но это оказалось правдой. Девятнадцатилетний выпускник Академии художеств Айвазовский, которого Серена Витале называет «романтическим маринистом», действительно дважды встречался с Пушкиным. Александр Сергеевич поинтересовался у художника, откуда он родом, а затем спросил, как он, человек

южный, выносит суровый климат Петербурга. Пушкин умел общаться с самыми разными людьми. Он и в салоны любил ходить ради общения.

«А что это за „пуговица Пушкина“?» – спросите вы, намекая на название книги. Дело в том, что поэт ходил в бекеше, на хлястике которой недоставало пуговицы. И многие люди обращали на это внимание. Думаю. Пушкин не сильно был озабочен своим внешним видом. Поэтому его так злила необходимость надевать в торжественные дни ненавистный мундир камер-юнкера. Мы видим, что «близнец» Пушкин обладал всеми достоинствами и недостатками, свойственными этому воздушному знаку. Достоинство книги Серены Витале заключается в том, что Пушкин у неё – живой, мятущийся гений. Мы сопереживаем ему с первой и до последней страницы, хотя и знаем точно, что добром всё это не закончится. Женское имя Серена означает «ясная, спокойная, безмятежная». И действительно, писательнице свойственны яркость, чистота и миролюбие, которые в полной мере проявились у неё в книге об Александре Пушкине. Рекомендую книгу Серены Витале для серьёзного, вдумчивого прочтения.